Вестник МГИМО-Университета. 2019. 12(6). С. 78-108 DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-78-108 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Евроатлантическая безопасность в треугольнике США – ЕС – Россия и фактор Трампа

М.М. Панюжева

Институт США и Канады РАН

В статье рассматриваются ключевые аспекты взаимоотношений между США, ЕС и Россией в сфере безопасности с учётом избрания президента США Д. Трампа под популистскими лозунгами, смены западных элит и эрозии договорных механизмов. Цель статьи – выявить перспективы отношений в треугольнике США – ЕС – Россия. Исследовательский интерес заключается в выстраивании новой модели евроатлантической безопасности и многовекторной стратегии для России. Исследуются особенности системы евроатлантической безопасности с начала 1990-х – до середины 2000-х гг.; концепта евроатлантической безопасности в 2008 – 2009 гг.; отношений США, ЕС и России при Б. Обаме и Д. Трампе.

В результате комплексного анализа автор обосновывает ряд выводов. Во-первых, поскольку архитектура безопасности при опоре на НАТО не обеспечивает стабильность, необходимо усиление взаимодействия США, ЕС и России перед лицом новых вызовов - стереотипы холодной войны не могут постоянно воспроизводиться. В статье акцентируется необходимость поиска нестандартных решений и предлагаются разные сценарии развития отношений США, Евросоюза и России, которые будут носить поливариантный характер. Во-вторых, в канун 30-летия установления отношений с Россией европейские лидеры склоняются к сбалансированному диалогу, отмене санкций и новой архитектуре безопасности, а ЕС остаётся основным экономическим партнёром РФ. В-третьих, «транзакционный» подход Трампа подтолкнул европейцев укреплять оборонную интеграцию и искать компромисс с Россией. С его победой в 2020 г. могут появиться основания для нормализации отношений. В-четвёртых, в полицентричном мире система евроатлантической безопасности перестаёт быть замкнутой на трансатлантических связях. Важно переосмыслить данный концепт в сторону сотрудничества с внерегиональными странами. В-пятых, поскольку сложная игра в формате «диалог – сдерживание» продолжится, Россия должна ориентироваться в установках партнёров, продумывать разные стратегии действия, формировать общую повестку, преодолевая внутренние препятствия к диалогу. В многовекторную стратегию следует включить контроль логики «неустойчивого сдерживания», механизмы для консультаций, «свежие» инициативы, широкоформатные дискуссии и вовлечение новых игроков (ЕАЭС, БРИКС).

В итоге разрыв российско-западных отношений не очевиден, имеются возможности для сближения. Чем неопределённее становятся трансатлантические отно-

УДК: 327.54

Поступила: 30.10.2019 г.

Принята к публикации: 18.11.2019 г.

шения, тем больше ЕС и США нуждаются в России. Автор полагает, что требуется серьёзная трансформация системы евроатлантической безопасности, чтобы она отражала, не только американское видение, но и европейские, и российские озабоченности. В статье также содержится призыв к научному и экспертному сообществу активно включаться в обсуждение проблем евроатлантической безопасности и подготовку предложений по сотрудничеству.

Ключевые слова: система евроатлантической безопасности, европейская безопасность, трансатлантические отношения, атлантизм, европеизм, смена элит, европейская армия, глобальная стратегическая нестабильность, полицентричный мир, новый мировой порядок.

осле окончания холодной войны в политико-академической среде сложился консенсус относительно сложной, полицентричной, несбалан-Сированной международной системы с многомерной динамикой (Современные... 2014: 51). Эксперты-международники трактуют происходящие изменения по-разному. Часть исследователей (В.Г. Барановский, А.А. Громыко, А.В. Торкунов) говорят о формировании новой полицентричной международно-политической системы (Барановский 2017: 71-72; Громыко 2018а: 141-142). Речь идёт о перестройке глобального управления с учётом нового распределения сил. Противоположной точки зрения придерживаются Г. Киссинджер (Киссинджер 2015), М. Мандельбом (Mandelbaum 2006), Дж. Най (Nye 2017), А.М. Слотер (Slaughter 1997), Р. Хаас (Haas 2008), Ф. Закария (Zakaria 2008). Они писали о кризисе либерального миропорядка, вступлении в новую эру усиливающейся нестабильности и рисков. В.Я. Иохин констатирует, что глобализация сменяется фрагментацией мира на мегарегионы с новыми центрами (Иохин 2018: 51). Эта концепция мегарегионального миропорядка всё больше получает распространение в академических кругах.

Сторонники версии, связанной с кризисом либерального миропорядка, убеждены, что избрание президента Дональда Трампа в США, выступавшего под популистскими и антиглобалистскими лозунгами, произошло именно на фоне осознания негативных последствий глобализации. Взамен идеологии либерализма, открытого рынка и «мира без границ» Трамп предлагает смещение акцентов на развитие национальной экономики. А.А. Громыко признаёт, что с приходом Трампа ширится дискуссия о судьбе либерального миропорядка во главе с США и перспективах «западного мира» (Громыко 2018b).

Присоединяясь к данной дискуссии, следует отметить, что, во-первых, кризис либерального миропорядка наступил задолго до прихода к власти президента США Д. Трампа. Обусловлен он неспособностью Запада сглаживать неравномерность глобального развития, узостью западной модели мира, эрозией международно-правовой базы (Мегатренды... 2011: 19-35). Во-вторых, особенности внешней политики Трампа (критика международных организаций, выход

из многосторонних договорённостей) привнесли новый непредсказуемый элемент в отношения с союзниками и конкурентами. Между тем администрация Трампа не выдвигает новых идей объединения мира, кроме собственного военно-силового лидерства¹, чем усугубляется кризис глобального доминирования Запада. В-третьих, международная система продолжит трансформироваться. При этом миропорядок не сводится к либеральному порядку (Мегатренды... 2011: 69-84).

Также следует отметить, что само понятие «евроатлантическая безопасность» с недавних пор является достаточно расхожим, но трактуемым поразному. В данной работе используется следующее определение – состояние защищённости США, Европы и России от дестабилизирующих угроз (Барановский 2010). Ранее наиболее часто употребляемым понятием выступала «система европейской безопасности». В широком смысле под ней подразумевается совокупность совместно принимаемых мер всеми заинтересованными государствами по обеспечению мира и безопасности в Европе, контролю над вооружениями (Современные... 2014: 154). Система европейской безопасности отличается мозаичностью, высокой плотностью многосторонних институтов (ОБСЕ, ЕС, Совет Европы, НАТО, СНГ, ОДКБ) и разнонаправленными трендами – логика холодной войны, взаимозаменяемость и конкуренция².

В узком смысле это понятие означает безопасность стран Западной Европы в рамках организации Североатлантического договора. Система европейской безопасности стала меняться с подписанием Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., который запустил общеевропейский процесс – многосторонний диалог и сотрудничество. США и СССР пошли на меры укрепления доверия в военной сфере, тем самым усиливая договорную базу, казавшуюся довольно прочной в тот момент (Богатуров, Аверков 2012: 191-196).

С распадом биполярного мира европейцы предпринимают попытки выйти из-под опеки США и обрести собственный военно-политический потенциал. С 2000-х гг. у понятия «евроатлантическая безопасность» впервые появляется новое значение – военное сотрудничество между НАТО и Евросоюзом в области кризисного реагирования.

В 2008 г. Россия предложила широкую трактовку евроатлантической безопасности, допустив возможность участия всех желающих стран и организаций, однако с этой идеей не согласились, прежде всего, США и страны Восточной Европы. С 2009-2010 гг. концепт переформатировался под нужды трансатлантического сообщества. Планы о формировании глобального партнёрства

¹ Zakaria F. 2019. The Self-Destruction of American Power. *Foreign Affairs*. September, 21. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/2019-06-11/self-destruction-american-power (accessed 22.09.2019).

² Караганов С.А., Бордачев Т.В. 2009. К новой архитектуре евроатлантической безопасности. Доклад российских экспертов к конференции дискуссионного клуба «Валдай». URL: http://www.svop.ru/public/docs_2009_12_8_1350640661. pdf (дата обращения: 22.09.2019).

между США и ЕС разрушились в результате ливийского кризиса. В 2014 г. украинский конфликт также разрушил возможность совместного обеспечения безопасности между США, Европой и Россией. В тот момент заговорили о «новой холодной войне». Концепт евроатлантической безопасности, соответственно, перестал всерьёз рассматриваться в научных и политических кругах. На Западе Россия стала восприниматься одной из главных угроз, а также объектом политики сдерживания.

Новый президент США Д. Трамп так же, как и его предшественник Б. Обама, не смог осуществить «перезагрузку» отношений с Россией, но перевёл трансатлантические отношения с ЕС в прагматичное русло, отдав предпочтение двусторонним контактам (Панюжева 2018).

Необходимость включения России в евроатлантическую систему безопасности становится всё более очевидной. Информационным поводом для переосмысления евроатлантической системы безопасности стало и прекращение действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и испытание Соединёнными Штатами крылатой ракеты наземного базирования дальностью более 500 км. 2 и 18 августа 2019 г. соответственно. Распад режима контроля над вооружениями ещё более ухудшает состояние евроатлантической безопасности, а обострение сложных российско-американских отношений может привести к повышению роли ядерного оружия, новой гонке вооружений и подтолкнёт Европу к созданию собственной армии.

Объединённая Европа пока не может быть признана в качестве самостоятельного военно-политического субъекта. С начала 1990-х гг. стало ясно, что ЕС не устраивает натоцентричная система европейской безопасности. Европа оказалась неготовой принимать американские условия и отказаться от стратегической самостоятельности. Поэтому закономерен разворот Европы в сторону диалога с Россией и признание Макроном окончания эпохи доминирования Запада и необходимости «глубокого переосмысления» отношений с Москвой³. Американская сторона также стала демонстрировать готовность вернуться к диалогу. Таким образом, концепция построения европейской безопасности с участием России вновь реанимируется в 2019 г.

В статье уточняется концепт евроатлантической безопасности путём раскрытия логики взаимодействия США, ЕС и России. Исследовательская задача данной статьи заключается в том, чтобы определить, какие параметры следует учесть при построении новой концептуальной модели равной и неделимой евроатлантической безопасности при соблюдении интересов всех участников.

Серьёзный анализ американо-европейских отношений можно найти в публикациях В.И. Батюка (Батюк 2009), О.В. Приходько (Приходько 2004) и

³ Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs. Le 27 Août, 2019. Elysee.. URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1 (accessed 15.09.2019).

М.А. Троицкого (Троицкий 2004). В их работах делается акцент на разнице в стратегических культурах и подходах к решению международных проблем. Обоснованным выглядят тезисы о двусторонней асимметрии в силовом потенциале и столкновении двух моделей мира – американский глобализм и миссионерский европеизм. В этой связи следует выделить коллективную монографию «Проблемы трансатлантических отношений в начале XXI века», выполненную научными сотрудниками ИСКРАН (Проблемы... 2007).

Активно изучаются проблемы будущей евроатлантической безопасности в МГИМО, ИМЭМО, ИЕ РАН, РИСИ, РСМД, Международном дискуссионном клубе «Валдай», Фонде Карнеги. Исследования этих научных центров важны с точки зрения осмысления основных параметров будущей системы евроатлантической безопасности при участии России⁴.

Концепции европеизма и атлантизма в политике стран Евросоюза рассматриваются в коллективной монографии сотрудников ИМЭМО РАН под редакцией Н.К. Арбатовой (Европеизм... 2009). В работе показаны различия восприятия евроатлантической безопасности у стран-членов Евросоюза. Некоторые аспекты военно-политических отношений США и Франции изучались Е.О. Обичкиной (Обичкина 2004) и К.П. Зуевой (Зуева 2004).

В докладе Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности В.Г. Барановского подробно рассматривалась архитектура евроатлантической безопасности на основе сотрудничества США, Европы и России (Барановский 2010). Автор отошёл от изучения трансатлантических отношений в узких рамках НАТО, включив в них Россию.

Среди зарубежных исследований важными являются публикации политологов-неоконсерваторов: Дж. ван Уденарена (Van Oudenaren 2005), Ч. Краутхаммера (Krauthamme 2002-2003), Г. Киссинджера (Киссинджер 2015), подчёркивающих лидерство США в вопросах евроатлантической безопасности.

Другой позиции придерживаются либералы: Ф. Гордон и Дж. Шапиро (Gordon, Shapiro 2004), Д. Кеохейн (European 2009), Р. Хаас (Haas 2008), Ч. Купчан⁵, Дж. Най (Най 2004) выступают за равноправные отношения США и Европы в рамках международных институтов, поддержку Вашингтоном усилий ЕС в области безопасности.

Таким образом, концепция формирования системы евроатлантической безопасности с участием США, Евросоюза и России ещё размыта и нуждается в доработке. Видится необходимым не только систематизировать представлен-

⁴ Материалы научно-практической конференции «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность». 2012. РСМД. Москва: Проспект. 65 с.; Тимофеев И. 2017. Формула евроатлантической безопасности: стабильное сдерживание и его альтернативы. Валдай.: http://ru.valdaiclub.com/files/16864/ (дата обращения: 22.09.2019).

⁵ Kupchan Ch. 2007. Europe and America in the Middle East. CFR. Vol. 106. No. 698. URL: http://www.cfr.org/world/europe-america-middle-east/p12761 (accessed 22.09.2019).

ные материалы, но и определить дальнейшую траекторию развития военно-политических отношений США - ЕС - России.

С учётом вышесказанного, гипотеза автора заключается в том, что система евроатлантической безопасности в перспективе перестанет быть замкнутой исключительно на развитие трансатлантических отношений в рамках НАТО или взаимодействие США – Евросоюз, НАТО – Евросоюз. Она потребует реформирования и расширения круга участников диалога за счёт стран Большой Европы, в особенности, России, и внерегиональных стран (Китай, Индия и Иран), при соблюдении их интересов (Панюжева 2016: 73). В свою очередь расширение евроатлантического региона окажет прямое влияние на международную систему. Следует учитывать фактор смены западных элит и приход лидеров, готовых к конструктивному диалогу: протекциониста Д. Трампа, реформатора Э. Макрона, евроскептика Б. Джонсона и т.д.

Рассмотрение данной проблематики осуществляется на основе системного подхода, предусматривающего изучение международных отношений как системы, элементы которой взаимосвязаны, а сама она зависит от взаимодействия с внешней средой и от внутрисистемных процессов. С помощью системного подхода рассматривались в качестве целостного явления процессы развития отношений между США, ЕС и Россией в сфере безопасности. Историко-генетический метод использовался для последовательного рассмотрения причинноследственных связей и закономерностей отношений между США, ЕС и Россией, а системный подход позволил представить отношения США и ЕС как целостную систему, совокупность взаимодействующих объектов, и проанализировать их функционирование. Для обоснования выдвинутой гипотезы был проведён критический анализ новейших отечественных и зарубежных исследований. Компаративный анализ применялся для сопоставления различных фактов, этапов взаимодействия акторов, их позиций и оценок.

Основные параметры евроатлантической безопасности с начала 1990-х до середины 2000-х гг.

С распадом биполярности стали постепенно формироваться новые параметры системы европейской безопасности. Причём оставались открытыми вопросы о том, будет ли это европейская или евроатлантическая безопасность, каков окажется состав участников и какие организации будут её обеспечивать.

В ретроспективе система европейской безопасности включала западноевропейские страны и США – мощного внерегионального игрока. На протяжении холодной войны доминировала концепция атлантизма, где НАТО являла собой основной механизм коллективной безопасности. При этом Франция в противовес пыталась продвигать идею Европы от Лиссабона до Урала – военно-политическое, экономическое, культурное объединение европейских стран (Панюжева 2016: 64-65).

Окончание холодной войны, казалось, приведёт к стабильному развитию Европы, что связывалось с подписанием Договора об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ) и Парижской хартии для новой Европы в 1990 г.

В Декларации «О модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы на XXI век» (1996 г.) и «Хартии европейской безопасности» (1999 г.) просматривалась возможность превращения Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в мощную евроатлантическую организацию по вопросам безопасности, в которой Европа, Россия, США и Канада выступили бы равноправными партнёрами (Богатуров, Аверков 2012: 213-216). Однако после 1999 г. встречи на высшем уровне в рамках ОБСЕ прекратились, и диалог по общеевропейской безопасности оказался заблокированным: военно-политические функции были закреплены за Евросоюзом и Североатлантическим альянсом, хотя исключительно западноцентричная модель так и не была создана.

Во-первых, США сделали ставку на НАТО как главный механизм евроатлантической безопасности и переориентировали её на противостояние новым угрозам, географическое и функциональное расширение зоны действия. Вовторых, ЕС запустил Европейскую политику безопасности и обороны (ЕПБО) как независимую структуру безопасности в 2000-х гг. Для Москвы развитие отношений в рамках ЕПБО могло стать средством укрепления российских позиций (Панюжева 2016: 73-74). В целях выстраивания диалога в сфере безопасности были подписаны Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и Россией (1994), Основополагающий акт Россия – НАТО (1997) и Декларация об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе (2000). Однако вскоре эти правовые механизмы потеряют свою значимость для сторон.

Становление Общей внешней политики и политики безопасности у ЕС спровоцировало кризис концепции атлантизма: США пытались продвигать «европейскую опору» НАТО, а сторонники сильной Европы – проект европейской системы безопасности (Еврокорпус; «Петерсбергская декларация»; силы быстрого реагирования) (Панюжева 2016: 64-66). С момента появления ЕПБО речь стала идти о евроатлантических отношениях по линии ЕС и НАТО. После же начала Иракской войны спор вокруг европейской безопасности перерос в спор о мироустройстве, по сути, между американским однополярным проектом или европейским многополярным (Панюжева 2016: 67).

Препятствуя военной самостоятельности ЕС, Вашингтон запустил новый механизм для оперативного сотрудничества НАТО и ЕС – соглашения «Берлин плюс» (2003): ЕС получил доступ к системам командования и средствам планирования НАТО, но проблемы разграничения компетенций и членства не были решены.

Новое руководство России в 1990-х гг., «младореформаторы», ориентировались на «демократическую солидарность» с Западом. Европейская система безопасности на основе ОБСЕ представлялась им «общим европейским домом»

от Ванкувера до Владивостока. Москва сократила военный потенциал и выступила за укрепление общеевропейских институтов, но функции ОБСЕ приняли на себя НАТО и ЕС, поэтому усилия Москвы сосредоточились на собственных интеграционных структурах: СНГ, Союзное государство России и Беларуси, ЕврАзЭС, ОДКБ, которые, тем не менее, стали элементами системы европейской безопасности.

События в Югославии вызвали рост взаимного недоверия в Европе. Москву всё больше не устраивало расширение НАТО на восток, размещение американских вооружённых сил и системы ПРО на территории новых членов Альянса. Запад навязывал правила игры и стремился ограничить влияние России в обход основных принципов европейской безопасности, зафиксированных на саммитах ОБСЕ. К кризису доверия добавилась эрозия системы контроля над вооружениями в связи с выходом США из Договора о противоракетной обороне (2002) и проблемами вступления в силу Договора о СНВ-2.

В феврале 2007 г. на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности Президент России В.В. Путин подчеркнул, что Россия будет отстаивать национальные интересы, указал на угрозу гонки вооружений и разработку новых наступательных вооружений, призвав партнёров к равноправному диалогу. Однако Запад не принял аргументы и вернулся к несколько модифицированной политике «сдерживания» в отношении России. В 2019 г. Договор об обычных вооружениях и вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ) прекратил своё существование. Европа и США фактически отвергли модель евроатлантической безопасности на основе ОБСЕ и последовали по пути консолидации собственных структур безопасности.

Итак, после распада СССР система европейской безопасности претерпела существенные изменения и развивалась в русле концептуального спора атлантизма и европеизма. Основные игроки (США, ЕС и Россия) не смогли согласовать механизмы евроатлантической безопасности. Среди ключевых идей рассматривались расширяющееся евроатлантическое пространство без России (американский проект); «Европа-держава» (французский проект); «Большая Европа» – «от Лиссабона до Владивостока» на базе ОБСЕ (российская инициатива). По всей вероятности, США опасались остаться за рамками «общеевропейского дома» и сделали ставку на расширение Североатлантического альянса. В то время как Западная Европа тяготела к диалогу с Москвой и укреплению ОВПБ, в Восточной Европе были убеждены, что Россия не является частью Европы, и раздувался миф об имперском ревизионизме.

Концепт «евроатлантической безопасности» в 2008-2009 гг.

Новый этап развития отношений в треугольнике США – ЕС – Россия был связан с попытками согласовать интересы и разработать концепт «евроатлантической безопасности». Ввиду кризиса системы европейской безопасности пре-

зидент Д.А. Медведев выступил с инициативой по её укреплению в Берлине в июне 2008 г. После конфликта в Грузии и масштабной информационной войны против России наступило временное затишье. План Медведева – Саркози стал первым примером взаимодействия ЕС и России в области кризисного урегулирования.

В рамках Международной конференции по вопросам мировой политики в Эвиане 8 октября 2008 г. Д.А. Медведев выдвинул идею заключения договора о европейской безопасности (ДЕБ) между США, ЕС и Россией. Затем проект договора был представлен на саммите Россия – ЕС в Ницце 29 ноября 2009 г. и направлен в НАТО, ОДКБ, СНГ и ОБСЕ. Параллельно на неформальной встрече министров иностранных дел ОБСЕ был запущен «Корфусский процесс» по реформированию организации.

По существу, идея Д.А. Медведева предполагала международно-правовое закрепление принципа *неделимой* и *равной* евроатлантической безопасности. Этот термин означает не нанесение ущерба безопасности друг друга⁶. Участники брали на себя юридическое обязательство не укреплять свою безопасность за счёт безопасности других. В широком смысле подразумевалось единое евроатлантическое сетевое пространство безопасности. Вместо принятия западных ценностей априори Россия выступила за равноправное сотрудничество на внеблоковой основе, но не дождалась конструктивных предложений.

Вашингтон смог инспирировать идею о попытке России расколоть НАТО и ЕС и усилиться на постсоветском пространстве. Большинство претензий касалось юридически обязывающего договора, повышения роли ОБСЕ и фокуса на проблемах «жёсткой» безопасности. В итоге госсекретарь Х. Клинтон даже заявила, что вопросы европейской безопасности и так обсуждаются в ОБСЕ и Совете Россия – НАТО (СРН). А после принятия Совместного заявления СРН о стратегическом партнёрстве от 20 ноября 2010 г. обсуждение ДЕБ и вовсе было де-факто заблокировано.

Очевидно, что Евросоюз и США оказались не готовым заключить соглашение по европейской безопасности, а у России не было достаточно рычагов влияния: она не признавала ключевую роль НАТО в этой системе.

Между тем ряд экспертов, в том числе из Фонда Карнеги за международный мир и ИМЭМО РАН, предложили идею построения Евроатлантического сообщества безопасности для противодействия новым вызовам в XXI в. 7. В целом, эта идея также нуждалась в доработке, так как на тот момент ни одна из сторон не была готова к столь радикальным шагам. Ещё одно предложение – учредить Евроатлантический форум по безопасности и принять 15-летнюю

⁶ Проект Договора о европейской безопасности. 29 ноября 2009 // Kremlin. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/6152 (дата обращения: 22.09.2019).

⁷ На пути к Евроатлантическому сообществу безопасности. Евроатлантическая инициатива в области безопасности. Фонд Карнеги. 2009. URL: https://carnegieendowment.org/files/EASI_FinalReport_Rus.pdf (дата обращения: 22.09.2019).

программу в области ядерного разоружения, ПРО, высокоточного, космического и обычного вооружения и кибербезопасности - было выдвинуто экспертами из Инициативы по борьбе с ядерной угрозой, Фонда Карнеги, РСМД, ИМЭМО РАН и ИСКРАН⁸.

Несмотря на хорошо проработанную стратегию формирования общей политики безопасности, это предложение требует сближения разных позиций участников, поэтому только часть идей в отдалённой перспективе может быть постепенно реализована.

По итогам научно-практической конференции «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность» в РСМД в 2013 г. концепт всеобъемлющей системы евроатлантической безопасности представлялся как объединение усилий всех государств региона, создание новых институтов и поиск взаимоприемлемых решений⁹.

Формирование новой системы европейской безопасности возможно благодаря улучшению отношений России и НАТО в сфере стратегического вооружения и преодолению «системных ловушек». Сотрудничество на экспертном уровне оказывает благотворный эффект, поскольку обеспечение евроатлантической безопасности – фундаментальная научная задача.

Развитие отношений США – EC – России в сфере безопасности при Б. Обаме (2009-2016 гг.)

Новый этап в отношениях между США, Евросоюзом и Россией начался с избранием президентом Б. Обамы в 2009 г. Европа ждала разворота в сторону новой многосторонности, и Обама подтвердил, что США нуждаются в сильной Европе, выступив за увеличение военных способностей партнёров («умная оборона»).

Примечательно, что госсекретарь X. Клинтон в выступлении о будущем европейской безопасности в 2010 г. признала три подхода к её организации: французский (усиление ЕПБО), американский (НАТО), российский (ДЕБ). Но в практическом плане она выделила евроатлантические отношения США – ЕС – НАТО и трансатлантические отношения в рамках НАТО (Панюжева 2016: 72). Показательно, что российский фактор не был вписан в глобальный или евроатлантический контекст.

«Перезагрузка» отношений США и России выразилась в подписании Договора о СНВ-3 и соглашения в области мирной атомной энергии, создании двусторонней президентской комиссии, транзите контингента и грузов в Аф-

⁸ Building Mutual Security in the Euro-Atlantic Region. NTI. 2013. URL: https://media.nti.org/pdfs/BMS_Long_Report_FINAL.pdf (accessed 22.09.2019).

⁹ Материалы научно-практической конференции «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность», 2012. РСМД. Москва: Проспект, 65 с.

ганистан, но вскоре сменилась разногласиями (ПРО, сирийский кризис, «закон Магницкого»). В течение первой половины 2010 г. диалог по ДОВСЕ проходил за закрытыми дверями.

Выполнение дорожных карт ЕС и России и создание Комитета по политике и безопасности также не произошло. Тем временем ЕС укрепил место в архитектуре европейской безопасности благодаря общей политике безопасности и обороны. Поскольку в отношениях США и ЕС наметилась тенденция сближения, президент Франции Саркози попытался укрепить ЕПБО и обновить НАТО через возращение страны в военные структуры альянса и создание франко-немецкого штаба, передовых групп, программ вооружения с Великобританией (Панюжева 2016: 74).

В это время США, ЕС и Россия ещё признавали важность преодоления разногласий через дискуссию о механизмах общей безопасности, тем не менее, ни одна из инициатив (ДЕБ, реформа ОБСЕ, совместная ПРО, Мезебергская инициатива, партнёрство Россия – НАТО, ОДКБ – НАТО) не была принята.

У России и Запада имелись разные подходы к евроатлантической безопасности – институциональный и функциональный. Москву не рассматривали равным партнёром и пытались приобщить к общим ценностям или наказать через санкции или расшатывание ситуации в регионах. Поэтому в российской внешней политике укрепляется вектор на усиление евразийской интеграции, сотрудничество с Китаем и глобальным Югом (БРИКС). К тому же, идея евроатлантической безопасности стала уступать в повестке арабским протестам и сирийскому кризису.

В 2011 г. США, НАТО и ЕС подписали соглашение в области кризисного реагирования и предупреждения конфликтов, где Россия не упоминалась 10. В последующем «глобальное партнёрство» между США и ЕС так и не возникло. Европейцы столкнулись с недостаточной поддержкой США в кампании в Ливии в 2011 г. и Мали в 2013 г., переносом фокуса в АТР и выводом двух американских бригад из Европы, что убедило европейцев укреплять свой военно-политический потенциал.

Украинский конфликт 2014 г. бросил вызов евроатлантической безопасности. Был заморожен политический диалог и запущена санкционная спираль. Давление на Россию оказывалось в военно-политической, энергетической и информационной областях. Администрация спешно укрепляла военное присутствие НАТО на востоке через Инициативу по обеспечению европейской безопасности (англ. *The European Reassurance Initiative*, *ERI*).

Москва в ответ разместила мощные средства ПВО на границах и разработала высокоточное оружие. При этом риск военной конфронтации в воздухе, в Балтийском и Чёрном море, Тихом океане возрос. Россия обвинила США в на-

¹⁰ Remarks with EU High Representative for Foreign Policy Catherine Ashton. May 17, 2011. The U.S. Department of State. URL: http://www.state.gov/secretary/rm/2011/05/163569.htm (accessed 22.09.2019).

рушениях ДРСМД – в испытании ПРО по ракетам-мишеням средней и меньшей дальности и ударных беспилотников. С сентября 2015 г. успешные военные действия Москвы в Сирии на стороне правительственных войск и освоение боевой техники серьёзно изменили отношения в треугольнике США – Европа – Россия.

При Б. Обаме Россия сначала рассматривалась в качестве стратегического партнёра, а к концу второго срока считалось главной угрозой евроатлантической безопасности наряду с терроризмом. В июле 2016 г. лидеры НАТО и ЕС подписали декларацию, содержащую план действий В сентябре на неформальной встрече министров обороны стран ЕС и НАТО обсуждалась обновлённая европейская стратегия в области обороны и безопасности. Процесс выстраивания механизмов взаимодействия ЕС и НАТО шёл под лозунгом противостояния «гибридным вызовам» России.

Итак, к концу президентства Обамы наметился провал в строительстве евроатлантической безопасности и ухудшении российско-американских отношений до состояния «новой холодной войны». Россия усматривала причину в системных проблемах европейской безопасности, эволюция которой была сложной и противоречивой.

Несмотря на то, что США неустанно работали над наполнением содержанием концепта американского глобального лидерства, европейцы осознали важность укрепления собственного военного потенциала в свете экономического и миграционного кризисов, волны террористических атак, решения о выходе Великобритании из ЕС.

Фактор Трампа для Евроатлантики в 2017 – 2019 гг.

Непредсказуемый курс Д. Трампа отличается тем, что трансатлантические отношения США и ЕС рассматриваются в качестве бизнес-проекта или транзакционной сделки, а не как краеугольный камень американской внешней политики. Европейская политика США формируется для решения приоритетной задачи «снова сделать Америку великой» 12.

Несомненно, личность Трампа оказывает влияние на отношения с Европой и Россией. Европа впервые столкнулось с поведением президента США, выходящим за рамки дипломатической практики. Трамп выстраивал ситуативное взаимодействие взамен долгосрочных отношений (Панюжева 2018: 52–56). Профессор Гарвардского университета Стивен Уолт обозначил критичный подход Трампа к ЕС и НАТО как противоречивый и близорукий¹³.

¹¹ Joint declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission and the Secretary General of NATO. July 8, 2016. European Council. Council of the European Union. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/21481/nato-eu-declaration-8-july-en-final.pdf (accessed 22.09.2019).

¹² The National Security Strategy of the United States of America. December 2017. *The White House*. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (accessed 22.09.2019).

¹³ Stephen W. 2018. The EU and NATO and Trump – Oh MY! *Foreign Policy*. July, 2. URL: https://foreignpolicy.com/2018/07/02/the-eu-and-nato-and-trump-oh-my/ (accessed 22.09.2019).

Общее мнение было высказано Марком Леонардом, директором Европейского совета по международным отношениям, который оценил действия Д. Трампа как подрывающие «старый либеральный мировой порядок, основанный на правилах» 14. Он пришёл к выводу, что для Европы настало время выработать новую стратегию.

В Европе непредсказуемая политика Трампа с его выходом из многосторонних соглашений, требованием увеличить оборонные расходы (2% ВВП) и пошлинами на сталь и алюминий вызвала сомнения в надёжности американских гарантий безопасности и трансатлантической солидарности 15 .

Европейцы оказались не готовы ни к национально-протекционистской политике Трампа, ни к решению Великобритании выйти из Евросоюза. Перемены в евро-атлантических отношениях застали их врасплох. Лидерам Франции и Германии просто не импонирует подход «Америка прежде всего», поскольку он мало совместим со ставкой на многосторонность.

С приходом Трампа проблема недостаточного вклада союзников вновь актуализировались. На пресс-конференции с генсекретарем Й. Столтенбергом 12 апреля 2017 г. и на саммите НАТО в Брюсселе 25 мая 2017 г. Трампу под нажимом вашингтонской элиты пришлось подтвердить приверженность трансатлантическим связям без ссылки на статью 5 и призвать увеличить расходы до 2 % ВВП, включая 20% – на основные виды вооружений 16 .

Чтобы сблизиться с союзниками, администрация Трампа представила Москву источником нестабильности в Европе на саммите НАТО и Мюнхенской конференции в 2017 г. В стратегии национальной безопасности США ситуация упрощённо объяснялась тем, что РФ стремится «ослабить надёжность американских обязательств перед Европой, подорвать трансатлантическое единство»¹⁷.

Трамп пытался принудить европейцев к двусторонним сделкам и разжигать противоречия. К примеру, на фоне ухудшения отношений с Берлином состоялся визит в США французского президента Θ . Макрона 13 июля 2017 г. 18

С целью укрепить американские гарантии европейской безопасности администрация увеличила финансирование военного присутствия – с 3,4 до 6,5 млрд. долл. (Панюжева 2018: 56), развернула две танковые бригады пехотной

¹⁴ Marc L. 2018. Europe for Itself. *Projet-sydicate*. July 24. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-and-eu-foreign-policy-by-mark-leonard-2018-07?barrier=accesspaylog (accessed 22.09.2019)

¹⁵ Remarks by President Donald Tusk on EU-NATO cooperation. July, 10 2018 // European Council. Council of the European Union. URL: http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/07/10/remarks-by-president-donald-tusk-on-eu-nato-cooperation/ (accessed 22.09.2019).

¹⁶ Readout of President Donald J. Trump's Meeting with European Union Leaders. May 25, 2017. // US Mission to the European Union.URL: https://useu.usmission.gov/readout-president-donald-j-trumps-meeting-european-council-president-donald-tusk-european-commission-president-jean-claude-juncker/ (accessed 22.09.2019).

¹⁷ The National Security Strategy of the United States of America. Op.cit.

¹⁸ Remarks by President Trump and President Macron of France in Joint Press conference. July 13, 2017. The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-president-macron-france-joint-press-conference-jul-13/ (accessed 22.09.2019).

дивизии, четыре боевые многонациональные батальона в Прибалтике и Польше, дивизию (Румыния) в рамках Европейской инициативы сдерживания. В Германии были укомплектованы войска в зоне второго стратегического эшелона.

На саммите НАТО в Брюсселе в 2018 г. обсуждалось создание сил быстрого реагирования «4 по 30» и двух командных центров в Германии и США, размещение ПВО в Прибалтики 19 .

Была подписана декларация ЕС и НАТО о расширении сотрудничества и укреплении безопасности для противодействия гибридным угрозам и терроризму 20 .

К 2018 г. лидеры европейских стран и эксперты стали отвечать на критику Трампа, обвинив его в дестабилизации мирохозяйственных связей, провоцировании торговых войн и попытках вернуть времена дикого капитализм (Яковлев 2017: 12).

В целом избрание Трампа высветило идеологический раскол Запада. Как и в далёком 2003 г., столкнулось американское и европейское видение международной системы. По сути, Вашингтон отказался от американского глобализма в пользу транзакционного подхода, а ЕС продолжает защищать концепцию либерального миропорядка. Однако единства коллективного Запада не просматривается, и у него не так много общих рычагов влияния.

«Транзакционный» подход Трампа подталкивает европейцев к развитию военных возможностей, в частности, к созданию европейской армии. Хотя подобие иракского кризиса не ожидается, отношения США и ЕС ухудшились из-за оборонных расходов в НАТО, европейских оборонных инициатив, спора о методах борьбы с терроризмом, решения иранского вопроса, сдерживания России и КНР, а также из-за выхода ВС США из Сирии (Панюжева 2018: 66).

Споры об увеличении расходов на оборону лишь косвенно подтверждают глубокие расхождения. Важно, что системные противоречия могут нарастать, поскольку политика Трампа ускорила центробежные процессы в евроатлантическом регионе. Фактор Трампа, по мнению П.П. Яковлева, становится ключевым элементом в процессе трансформации облика глобализации (Яковлев 2017: 13).

США и «постамериканская» Европа заняты рекалибровкой своих интересов. Фактор «российской угрозы» используется для консолидации позиций. Взаимодействие ЕС и НАТО ведётся под лозунгом противостояния «гибридным вызовам» со стороны России. Вместе с тем «старая» Европа озабочена ухудшением отношений США и РФ, рисками неконтролируемой гонки вооружений и ми-

¹⁹ Brussels Declaration on Transatlantic Security and Solidarity. July 11, 2018. NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_07/20180709_180710-pr2018-91-en.pdf (accessed 22.09.2019).

²⁰ Joint Declaration on EU-NATO Cooperation by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. July 10, 2018. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156626.htm?selectedLocale=en (accessed 22.09.2019).

литаризацией. Становится очевидным, что система европейской безопасности нуждается в новых подходах, выходящих за рамки диалог/сдерживание России.

В глобальной стратегии по внешней политике и политике безопасности ЕС провозглашается укрепление Европы как «сообщества безопасности» и обеспечение «мира и безопасности внутри и за пределами границ»²¹. Было введено понятие «принципиального прагматизма». Чётко обозначен тезис о «стратегической автономии», подразумевающий большую внешнеполитическую самостоятельность ЕС от Вашингтона.

В конце 2017 г. было принято соглашение о постоянном структурированном сотрудничестве в области безопасности и обороны на модульной основе. Согласно ему были запущены 17 проектов по гармонизации оборонных стратегий, увеличению оборонных бюджетов для исследования и развития, использованию военных баз и ВС, разработке новых систем вооружений (Панюжева 2018: 60).

В июне 2018 г. была одобрена Европейская инициатива по вмешательству. ЕС принял решение об увеличении Европейского оборонного фонда на 20 млрд евро с 2021 – 2027 гг. (Панюжева 2018: 60). Кроме того, была утверждена европейская программа военно-промышленного развития на 2019 – 2020 гг. Бесспорно, эти шаги говорят о серьёзности намерений ЕС.

Резонанс вызвало заявление Э. Макрона от 6 ноября 2018 г. о создании общеевропейской армии для защиты от КНР, РФ и США. Так, глава Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер его поддержал, а глава евродипломатии Ф. Могерини исключила создание генштаба.

Вслед за этим Э. Макрон и А. Меркель 22 января 2019 г. подписали договор о сотрудничестве в области безопасности в Ахене²². Хотя новая глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен подчеркнула, что ЕС не станет военным союзом, было озвучено намерение создать новую военно-космическую структуру.

В отличие от Москвы, которая поддержала оборонные инициативы ЕС, администрация Трампа выступила против, видя в этих инициативах угрозу НАТО и интеграции оборонной индустрии. Недовольство было связано с нормами передачи технологий и контроля за экспортом, участием в военных проектах неевропейских стран, сокращением закупок американского оружия.

Как и прежде, столкнулись два подхода к европейской безопасности: США выступают за ключевую роль НАТО, а Париж – за единую Европу. Э. Макрон делает ставку, прежде всего, на идеи европеизма, лишь затем на евроатлантизм (взаимодополнение ЕПБО и НАТО, подключение к диалогу России) и атлантизм (нейтралитет США).

²¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. The European External Action Service. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed 22.09.2019).

²² Franco-German Treaty of Aachen. France Diplomatie. The Ministry for Europe and Foreign Affairs. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/germany/france-and-germany/franco-german-treaty-of-aachen/ (accessed 22.09.2019).

Опрос экспертов Института Европы РАН и ИСК РАН (А.А. Громыко 23 , Ю.И. Рубинского 24 , В.И. Батюка) показал, что преждевременно вести речь о создании европейской армии ввиду слабых возможностей ЕС по созданию военно-командной структуры и разных представлений стран-членов об источнике угрозы для европейской безопасности. Причём одни эксперты делают акцент на усилении интеграции между ВПК, а другие – на создании фонда инвестиций в европейскую оборонную промышленность.

Понятно, что США и атлантисты в Европе будут стараться не допустить наращивание военно-политического потенциала ЕС. Д. Трамп добивается устойчивой продажи американского вооружения, но сталкивается с заинтересованностью ВПК Франции расширить рынки сбыта. Участие в постоянном структурированном сотрудничестве и миротворческих операциях на равной основе представляет интерес для России.

Безусловно, фактор Трампа оживил разговоры о перспективах евроатлантической безопасности и создания европейской армии. Евросоюз демонстрирует намерение увеличить свою роль в поддержании европейской безопасности, а Россия – взаимодействовать на равноправной прагматичной основе.

Перспективы евроатлантической безопасности

Команда Трампа неоднократно пыталась восстановить диалог с Москвой. Так, например, в Сирии постоянно поддерживался обмен разведданными и координация между военными двух стран. Пожалуй, самым значительным является итог встречи лидеров США и России перед саммитом Большой двадцатки в Японии в июне 2019 г., где удалось принять решение о консультациях по СНВ-3. Кроме того, Россия предложила НАТО присоединиться к мораторию на размещение ракет средней и меньшей дальности, а США – продлить Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) на пять лет.

Вместе с тем эквилибристика Д. Трампа по поводу СНВ-3 с Россией и Китаем показывает, что США уклончиво действуют и имеют своё видение евроатлантической безопасности. В целях сдерживания США ввели новые антироссийские санкции, увеличили количество вооружённых сил в Польше и приняли решение об укреплении обороны Румынии.

Между тем в августе на саммите Большой семёрки в Биаррице Трамп как выразитель интересов бизнес-элиты озвучил идею о возвращении России в «восьмёрку». Это означает признание важности участия России в обсуждении вопросов международной и евроатлантической безопасности.

²³ Панюжева М. Россия – Европа: вместе не можем, порознь нельзя. 26 сентября 2019. *Аргументы недели*. URL: https://argumenti.ru/interview/2019/09/630865 (дата обращения: 22.09.2019).

²⁴ Панюжева М. Какой новый проект мироустройства предлагает Франция. 17 сентября 2019. *Аргументы недели*. URL: https://argumenti.ru/interview/2019/09/629647 (дата обращения: 22.09.2019).

К середине 2019 г. Европа стала сознавать, что превратилась в арену противостояния Москвы и Вашингтона, и политика изоляции России лишь усилила военно-политическую зависимость от США. Неслучайно заговорили о риске утраты контроля в отношениях России и НАТО, снятии санкций, признании Крыма и прекращении войны на Донбассе²⁵.

В июне Россию пригласили вернуться в Парламентскую ассамблею Совета Европы. Встреча Э. Макрона и В. Путина в Брегансон 19 августа показала, что Франция первая решилась восстановить военно-политический диалог с Россией. Прорывом в вопросах формирования будущей системы европейской безопасности стало выступление президента Франции Эммануэля Макрона на ежегодной встрече с послами 27 августа 2019 г. В частности, он призвал к «глубокому переосмыслению» отношений, к созданию новой архитектуры европейской безопасности вместе с Россией²⁶.

Иными словами, Париж в середине 2019 г. вернулся к идее формирования Большой Европы от Лиссабона до Владивостока, высказанной ещё в 1990-е гг. Неслучайно бывший министр иностранных дел Ю. Ведрин, европеист, призвал «изобрести заново» российско-европейские отношения.

Визит министра иностранных дел Жан-Ив Ле Дриана и министра обороны Флоранс Парли в Москву 9 сентября свидетельствует о попытках укрепить доверие и сотрудничество, в том числе в области контроля над оружием и кризисного урегулирования. В ноябре российская сторона обсудила с французским послом идею о новой архитектуре европейской безопасности.

На фоне констатации смерти «мозга» НАТО Э. Макрон допустил участие европейских стран в новом Договоре о ракетах средней и малой дальности. На саммите НАТО в декабре 2019 г. он призвал альянс переосмыслить отношения с Россией, поскольку без диалога с ней невозможно поддерживать стабильность в Европе²⁷. Министр иностранных дел Германии Хайко Маас заявил о важности партнёрских отношений с Россией и Китаем.

Сближение Европы и России в контексте евроатлантической безопасности не может не беспокоить Вашингтон. Похоже, что администрация Трампа проводит двойную стратегию – несистемные контакты с Москвой и сдерживание через укрепление обороны восточноевропейских стран. Что же ждёт отношения США – EC – $P\Phi$ в сфере безопасности? Насколько обнадёживающими представляются тенденции сближения?

В экспертной среде присутствует разброс мнений по поводу перспектив развития отношений в рассматриваемом треугольнике. Разноплановые дискус-

²⁵ Ibid

²⁶ Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs. Le 27 Août, 2019. *Elysee*. URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1 (accessed 22.09.2019).

²⁷ Макрон заявил, что безопасность в Европе невозможна без основательного диалога с Россией. *ИТАР ТАСС*. 04.12.2019. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7266003 (accessed 22.09.2019).

сии регулярно проводятся по поводу реформирования архитектуры асимметричной и несбалансированной евроатлантической безопасности. Некоторые эксперты считают, что отношения между Россией и США, Россией и ЕС, ЕС и США развиваются в отличной друг от друга динамике, поэтому представить общие сценарии невозможно.

Есть основания полагать, что это мнение является крайним упрощением: во-первых, лидеры США, ЕС и России признают важность диалога; во-вторых, все региональные подсистемы взаимосвязаны во взаимозависимом мире, и широкое распространение получили трансрегиональные и кроссрегиональные связи. Поэтому сценарии отношений США – ЕС – России имеют право на существование, даже если в треугольнике преобладает центробежная динамика.

В докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Формула евроатлантической безопасности» (2017) рассматривается пять сценариев отношений Россия – EC – США²⁸: 1) «Стабильное сдерживание»; 2) «Неустойчивое сдерживание»; 3) «Конфликт»; 4) «Сокращающееся сдерживание»; 5) «Партнёрство».

По мнению автора, эти сценарии страдают упрощением, однако, следует признать, что стабильное и неустойчивое сдерживание, как некий статус-кво с положительной или отрицательной динамикой, вполне возможно. И наоборот, следует считать маловероятным сценарий сокращающегося сдерживания с возможностью перехода к диалогу о новых параметрах СНВ. Очевидно, что парадигма сдерживания будет определять отношения России и Запада. Мнение авторов о том, что отношения США, ЕС и РФ в области безопасности не является предопределённым, следует признать верной.

Пережив сильный кризис, система евроатлантической безопасности всё же поправляется, стороны демонстрируют стремление к восстановлению диалога в 2019 г.

Новые институционально-правовые механизмы могут быть разработаны в среднесрочной перспективе. Поэтому статус-кво наиболее очевиден.

Н.К. Арбатова из ИМЭМО предлагает три сценария евроатлантических отношений: «Структурное размежевание»; «Прочное партнёрство с распределением ответственности»; «Функциональное партнёрство с созданием евроатлантического форума» (Арбатова 2015). Не соглашусь с экспертом в том, что полное размежевание НАТО и ЕС возможно. В некоторой степени частичное размежевание при элементах партнёрства и конкуренции допустимо.

А.А. Громыко, директор Института Европы РАН, реалистично подчёркивает углубляющиеся расхождения между США и ЕС, США и Россией, ЕС и Россией, США и КНР (Громыко 2018с). Попытки перехода к общему пространству «от Ванкувера до Владивостока» и «от Лиссабона до Владивостока» закончился расколом Запада и России. Выходом видится возвращение к стратегическому

 $^{^{28}}$ Тимофеев И. 2017. Формула евроатлантической безопасности: стабильное сдерживание и его альтернативы. Валдай. URL: http://ru.valdaiclub.com/files/16864/ (дата обращения: 22.09.2019).

сотрудничеству, переговоры ЕС и Евразийского экономического союза и консультации РФ и США.

Другая группа экспертов считает, что Россия и Запад продолжат существовать в конфронтационном режиме, и выступает за новую модель евроатлантической безопасности. Как отметил Д. Суслов из Высшей школы экономики, России и ЕС надо готовиться к взаимодействию, не ориентированному на создание общего евроатлантического пространства. «Большая Европа» и «Большая Евразия» не совместимы, поэтому маловероятно преодоление тупика, но необходим механизм кризисного урегулирования²⁹. А. Краменко из РСМД представляет Евроатлантику в виде геополитически «слоённого пирога»: оси-связки США – Восточная Европа и Западная Европа – Россия³⁰.

Реалистичным представляется призыв к созданию механизмов кризисного реагирования. Для этого необходимо реализовать «интермодальную» схему региональных и субрегиональных организаций и современных правил регламентации военной деятельности (Современные... 2014: 154). В.Г. Барановский рассматривает архитектуру евроатлантической безопасности как широкий и многоплановый проект, в рамках которого важно инициировать параллельные процессы создания сети договорных инструментов. Этот подход определяется как модель евроатлантической безопасности с переменной геометрией (Барановский 2010).

Примером либерального подхода стало исследование Р. Эллехууса из Центра стратегических и международных исследований и А. Загорского из ИМЭМО. Они выступают за поиск консенсусного видения неделимой европейской безопасности, предотвращение гонки вооружений, снятие опасений неприсоединившихся стран и организацию встреч на высшем уровне Россия – НАТО, Россия – ЕС и в ОБСЕ³¹.

В целом, с этими рекомендациями следует согласиться, добавив, что построение новой модели европейской безопасности возможно не только на основе консенсусного видения, но и на основе готовности сотрудничать и согласовать позиции.

В зарубежных работах основной упор делается на то, что трансатлантические отношения при Трампе стали более непредсказуемыми и противоречивыми. Например, Ф. Бинди из Фонда Карнеги прогнозирует конец прежней модели трансатлантических отношений (Bindi 2019). Подход «Америка прежде всего»

²⁹ Суслов Д. 2016. В разных пространствах: новая повестка для отношений Россия – ЕС. *Россия в глобальной политике*. URL: https://globalaffairs.ru/valday/V-raznykh-prostranstvakh-novaya-povestka-dlya-otnoshenii-RossiyaES-18256 (дата обращения: 22.09.2019).

³⁰ Крамаренко А.2019. HATO как бизнес-проект и Евроатлантика как слоеный пирог. *PCMД*. URL: https://russiancouncil. ru/analytics-and-comments/analytics/nato-kak-biznes-proekt-i-evroatlantika-kak-sloenyy-pirog/ (дата обращения: 22.09.2019).

³¹ Эллехуус Р., Загорский А. 2019. Восстановление системы европейской безопасности. *PCMД*. [URL: https://russiancouncil.ru/papers/CSIS-RIAC-Ellehuus-Zagorski-RestoringEuropeanOrder-Ru.pdf (дата обращения: 22.09.2019).

превращается в концепт «Америка в одиночестве», заставляя Европу и Россию заполнять вакуум. Опросы Брукингского института также выявили: отношения США и ЕС низко оценивается (3,9 из 10 баллов) по причине разногласий³².

М. Риддерволд и А. Ньюсэм также прогнозируют ослабление отношений США и ЕС вне зависимости от усиления или ослабления ЕС, допуская фрагментацию европейской политики и гегемонию США (Riddervold, Newsome 2018). Напротив, Дж. Андерсон полагает, что международная структура и трансатлантические отношения сдержат фактор Трампа (Anderson 2018), который будет вынужден вернуться к традиционной парадигме трансатлантической солидарности и защите либерального миропорядка.

Следует согласиться с зарубежными экспертами, что для евроатлантического региона будут важны эволюция международной системы, фактор Китая и исламского мира. Например, К. Стелзенмюллер считает, что для США и ЕС наступает новая парадигма большого соревнования держав³³. Трамп отталкивает Европу, которая теперь ответственна за сохранение либерального миропорядка и «соревновательную многосторонность».

Ясно, что содержание евроатлантической безопасности принципиально изменится, но пока отношения США – Россия – ЕС будут носить прикладной характер. Вероятно, ЕС некоторое время продолжит следовать в фарватере США.

Известные американские исследователи М. Мазар (РЭНД) и Дж. Най полагают, что Вашингтону требуется переосмыслить своё место в нынешнем миропорядке, который неизбежно будет меняться (Mazarr 2017; Nye 2017). На протяжении десятилетий США останутся ведущей военной державой. Эксперты указывают, что, несмотря на подъём популизма в Европе и США против глобализирующегося миропорядка, ни одна из этих стран его не отвергала. США должны сформировать диверсифицированную систему с учётом рассредоточения мощи в пользу КНР, НПО и индивидуумов. В унисон этому ходу мысли Х. Молл подчёркивает, что западная демократия должна найти способ конкурировать с появившимися альтернативными (Maull 2019).

Противоположная точка зрения у Ф. Гордона из Брукингского института: он допустил создание незападного мирового порядка, в котором концепция «Запад» и НАТО перестанут существовать, и спрогнозировал политическое соперничество США и Европы на Среднем Востоке, в Африке и в Азии (Gordon, Shapiro 2004).

Кс. Вискетт из Королевского института по международным отношениям считает, что увеличение количества мигрантов из Латинской Америки и ATP

³² Trans-Atlantic Scorecard. 2019. The Brookings Institution. URL: https://www.brookings.edu/research/trans-atlantic-scorecard-july-2019 (дата обращения: 22.09.2019).

³³ Stelzenmüller C. Hostile Ally: the Trump challenge and Europe's inadequate response. The Brookings Institution. 2019. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/08/FP_20190905_hostile_ally.pdf (дата обращения: 22.09.2019).

в США и из ближневосточных стран в ЕС может вызвать конкуренцию между ними 34 . Более того, Ф. Закария пессимистично объяснил потерю США статуса сверхдержавы и «наделением весом» – КНР и РФ 35 .

Эксперты Исследовательской службы Конгресса В.Л. Морели и К. Арчик подчеркнули высокий уровень неопределённости в трансатлантических отношениях³⁶, непредсказуемость США, рост самостоятельности ЕС, меняющуюся повестку и разногласия по широкому кругу вопросов. По их мнению, траектория развития трансатлантических отношений будет корректироваться с учётом ограниченных возможностей США, ЕС и НАТО в кризисном реагировании.

Американские консерваторы из Фонда Наследия утверждают, что ЕС критикует Д. Трампаза разрушение миропорядка, рассматривает США в качестве соперника и пытается снизить их роль по поддержанию европейской безопасности³⁷. В оценках Центра Карнеги преобладает мнение о важности избежать ослабления НАТО. Якобы РФ проводит курс по ослаблению или разрыву евроатлантических связей³⁸.

Либералы Брукингского института рекомендовали Европе балансирование между получением стратегической автономии и налаживанием сотрудничества с партнёрами в рамках глобальной многополярности (global multipolarity)³⁹. В свете отсутствия прочных американских гарантий Макс Бергманн из Центра за американский прогресс полагает, что «более сильная и надёжная» Европа – «движущая сила для продвижения либеральных ценностей», должна проводить операции без НАТО⁴⁰.

Подводит черту под дискуссей о будущем евроатлантических отношений А. Слоат: она выделяет столкновение американского изоляционистского и европейского многостороннего проектов мироустройства на фоне ослабления трансатлантических отношений, которые не станут «нормальными» даже после ухода Д. Трампа⁴¹.

³⁴ Wickett X. Transatlantic Relations Converging or Diverging? Chatham House Report. January 2018. URL: www.chathamhouse.org/publication/transatlantic-relations-converging-or-diverging (accessed 22.09.2019).

³⁵ Zakaria F. 2019. The Self-Destruction of American Power. Foreign Affairs. September, 21. [Электронный ресурс]. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/2019-06-11/self-destruction-american-power (accessed 22.09.2019).

³⁶ Morelli V.L., Archick Kr. Transatlantic Relations in 2018. CRS IN10847. URL: https://fas.org/sgp/crs/row/IN10847.pdf (accessed 22.09.2019).

³⁷ Bromund Th. A New Approach to Europe: U.S. Interests, Nationalist Movements, and the European Union. The Heritage Foundation. URL: https://www.heritage.org/europe/report/new-approach-europe-us-interests-nationalist-movements-and-the-european-union (accessed 22.09.2019).

³⁸ Dempsey J. The European Blame Game. Carnegie Europe. URL: https://carnegieeurope.eu/strategiceurope/78372 (accessed 22.09.2019).

³⁹ Belin C. Balancing Act: The Limits of Pragmatism in the Franco-American Relationship and the Way Forward. The Brookings Institution. October 2018. URL: https://www.brookings.edu/research/balancing-act-the-limits-of-pragmatism-in-the-franco-american-relationship-and-the-way-forward/ (accessed 22.09.2019).

⁴⁰ Bergmann M. An Alliance in Crisis. Europe Needs to Act Quickly to Defend Itself. Center for American Progress. June 1, 2017. URL: https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2017/06/01/433466/alliance-crisis-europe-needs-act-quickly-defend/ (accessed 22.09.2019).

⁴¹ Sloat A. Dispatch from Munich: The Trans-Atlantic Rift Persists amid Weaknesses on both Sides. The Brookings Institution. February 18, 2019. URL: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/02/18/dispatch-from-munich-the-trans-atlantic-rift-persists-amid-weaknesses-on-both-sides/ (accessed 22.09.2019).

По сути, эксперты согласны, что странам евроатлантического региона не удалось создать всеобъемлющую систему безопасности, которая включала бы Россию. Зарубежные эксперты изучают евроатлантические отношения в рамках атлантизма, изображая Россию внешним фактором, способным усугубить расхождения. Приходится констатировать, что имеется не так много работ, где она выступает частью европейского пространства.

С учётом анализа экспертных мнений и событийного фона предположим вероятные траектории развития отношений в треугольнике США – ЕС – Россия:

- *стагнация* с мелкосиловым активизмом и избирательным сотрудничеством (наиболее вероятный / наименее желаемый);
- *диалог-конфронтация* с реминисценциями прежнего взаимодействия (наиболее вероятный /наименее желаемый);
- *регресс*, неуклонное ухудшение с эпизодичным регулированием споров в кулуарах (вероятный / наименее желаемый);
- жёсткая конфронтация, провокации и соперничество за ресурсы и доступ к рынкам (вероятный /наименее желаемый);
- *сотрудничество-соперничество* (наименее вероятный / наиболее желаемый);
- новые предложения о частичном обновлении отношений (новый договорно-правовой режим, механизм решения разногласий, регулярный диалог политиков и экспертов) (наименее вероятный / наиболее желаемый).

При любом сценарии важно постепенно восстанавливать системный диалог, укреплять механизмы прагматического сотрудничества и искать варианты взаимной адаптации интересов и институтов.

Результаты исследования

1. В исследовании были обозначены основные параметры евроатлантической безопасности с начала 1990-х – до середины 2000-х гг. К ним относились сильная зависимость европейцев от НАТО и США, большое влияние американской военной мощи, политика США по закреплению лидерства, крепнущее политическое влияние ЕС, потеря инициативности со стороны России, которая не использовала свой потенциал.

По сути, в концепциях атлантизма, европеизма и «общеевропейского дома» были отражены целевые установки США, Евросоюза и России. Они вызвали расхождения между сторонами, которые не смогли согласовать механизмы евроатлантической безопасности. Система коллективной европейской безопасности «от Лиссабона до Владивостока» на основе ОБСЕ была отвергнута. Вместо неё США выдвинули идею расширяющегося евроатлантического пространства на основе НАТО, без участия России. При этом Франция пробовала развивать европейскую опору НАТО и не отказывалась от диалога с Москвой, которая в

то время ещё не могла проводить полностью самостоятельную внешнюю политику.

2. Прояснялся концепт неделимой и равной евроатлантической безопасности, выдвинутый российской стороной с целью противодействия новым вызовам. Был проведён анализ проекта договора о европейской безопасности от 29 ноября 2009 г. В его основе лежал тезис «не укреплять свою безопасность за счёт безопасности других».

Были выявлены расхождения США, ЕС и России на данном этапе: каждая из сторон продвигала своё видение, в основе которого лежит закрепление лидерства. Евросоюз и США оказались не готовыми заключить соглашение по европейской безопасности.

Несмотря на более активную независимую линию поведения, у России не было достаточно рычагов влияния, чтобы реализовать свои политические амбиции по созданию евроатлантического пространства безопасности. Тем не менее, изучение экспертных мнений показало актуальность концепта евроатлантической безопасности.

3. Рассматривалось развитие отношений США, ЕС и России в сфере безопасности при Б. Обаме. На основе изучения соглашений НАТО – ЕС в области кризисного реагирования объясняется, как изменился концепт евроатлантической безопасности без участия России. Москву не рассматривали равным партнёром, поэтому в её внешней политике укреплялся вектор на усиление евразийской интеграции.

Европейцы считали возможным укрепить военный потенциал через глобальное партнёрство с США. Выявлено, что у России и Запада имелись разные подходы к евроатлантической безопасности – институциональный и функциональный. США фактически не признали европейское и российское видение. К концу президентства Б. Обамы российско-американские отношения ухудшились до состояния «новой холодной войны». Украинский конфликт 2014 г. сделал концепт евроатлантической безопасности маргинальным.

4. На основе анализа правовой базы (Национальная стратегия безопасности США от 2017 г., Глобальная стратегия по внешней политике и политике безопасности ЕС от 2016 г., ежегодное выступление президента Франции Э. Макрона перед послами от 27 августа 2017 г., совместные коммюнике США и ЕС, НАТО и ЕС) были определены изменения в треугольнике США – ЕС – Россия при Трампе в 2017 – 2019 гг.

Курс Д. Трампа отличается тем, что трансатлантические отношения США и ЕС рассматриваются в нём как бизнес-проект. Это подталкивает европейцев к развитию военных возможностей, в частности, к созданию европейской армии. Хотя подобие иракского кризиса не ожидается, отношения США и ЕС существенно ухудшились. Автор приходит к выводу, что фактор Трампа ускорил центробежные процессы в евроатлантическом регионе и оживил разговоры о перспективах создания европейской армии. Система евроатлантической

безопасности нуждается в новых подходах, выходящих за рамки «диалог – сдерживание» России. Как и прежде, существуют три подхода к европейской безопасности: США выступают за ключевую роль НАТО, Франция – за поддержание европейской безопасности, а Россия – за равноправное сотрудничество.

5. Был проведён анализ экспертных оценок проблем евроатлантической безопасности. Большинство не исключают возобновление взаимодействия США, ЕС и России в сфере безопасности. Были предложены различные траектории развития их отношений: стагнация с мелкосиловым активизмом и избирательным сотрудничеством; диалог-конфронтация; регресс; жёсткая конфронтация; сотрудничество-соперничество; новые предложения о частичном обновлении отношений. Были представлены элементы новой многовекторной стратегии России и предложения для формирования новой модели евроатлантической безопасности – восстановление системного диалога, укрепление механизмов прагматического сотрудничества и поиск вариантов взаимной адаптации интересов и институтов.

В результате комплексного анализа автор приходит к следующим основополагающим выводам. Во-первых, актуальность концепта евроатлантической безопасности не вызывает сомнения. Поскольку архитектура безопасности при опоре на НАТО не обеспечивает стабильность, необходимо взаимодействие США, ЕС и России – перед лицом новых вызовов потребуется коллективное управление на справедливых и равных началах. В контексте глобальной стратегической нестабильности и эрозии режимов контроля над вооружениями мощь и влияние всех игроков подвергаются изменениям, их установки также адаптируются. Вследствие этого система евроатлантической безопасности не сможет постоянно воспроизводить стереотипы холодной войны.

Автор призывает искать нестандартные пути выхода из кризиса и выдвигает разные сценарии развития отношений США, Евросоюза и России, которые будут носить поливариантный характер. Анализ предыдущих этапов взаимодействия подтвердил, что система евроатлантической безопасности нуждается в серьёзной трансформации, чтобы она отражала, не только американское видение, но и европейские, и российские озабоченности. В любом случае она не может исключать Россию, её активного участника.

Во-вторых, европейские лидеры в канун 30-летия установления отношений с Россией склоняются к сбалансированному диалогу, отмене санкций и новой архитектуре безопасности. ЕС остаётся основным экономическим партнёром РФ. В-третьих, «транзакционный» подход Трампа подтолкнул европейцев укреплять оборонную интеграцию и искать компромисс с Россией. Фактор Трампа, бесспорно, оказал прямое влияние на евроатлантические отношения. Во-первых, с приходом «несистемного» президента США изменили тактику действий на евроатлантическом направлении (выход из многосторонних договорённостей; увеличение оборонных расходов; сложная игра с РФ в формате «диалог – сдерживание»).

Во-вторых, «транзакционный» подход Трампа подталкивает европейцев к укреплению оборонной интеграции и способствует селективному сотрудничеству США и РФ в ядерной сфере или ЕС и РФ в кризисном реагировании. Причём следует учитывать следующие закономерности: чем неопределённее становятся трансатлантические отношения, тем больше ЕС и США нуждаются в России; чем сильнее давление оказывает США на Россию, тем больше в Европе понимают ущербность политики сдерживания.

В-третьих, фактор Трампа сыграл неоднозначную роль для евроатлантических отношений США – ЕС – Россия. Он усугубил противоречия и подорвал правовую базу в области контроля над вооружениями. Трамп, казалось, стал символом антиглобалистских сил, углубляющим раскол западного мира, дрейфующего перед мощью незападных восходящих стран. Вместе с тем противоречивая позиция заставила ЕС и Россию искать точки соприкосновения.

В 2020 г. могут появиться возможности для нормализации отношений США – ЕС, США – РФ, ЕС – РФ и поиска нового статус-кво, и нынешний пат тогда закончится. Лидеры США и ЕС уже подают сигналы о готовности к взаимодействию по укреплению европейской безопасности.

В-четвёртых, в полицентричном мире, с учётом смещения фокуса на АТР, система евроатлантической безопасности перестаёт быть замкнутой на трансатлантических связях. Важно переосмыслить концепт в сторону сотрудничества с внерегиональными странами.

В-пятых, поскольку сложная игра в формате «диалог – сдерживание» продолжится, Россия должна ориентироваться в установках партнёров, вымерять свои шаги, тщательно продумывать разные стратегии в отношении переговоров с западными партнёрами, сформировать общую повестку, преодолеть внутренние препятствия к диалогу. В многовекторную стратегию следует включить контроль логики «неустойчивого сдерживания», механизмы для консультаций, «свежие» инициативы, широкоформатные дискуссии и вовлечение новых игроков (ЕАЭС, БРИКС).

На основе обстоятельного анализа эволюции системы евроатлантической безопасности и сравнения экспертных мнений целесообразно предложить следующие действия для формирования большой многовекторной стратегии России:

- 1. Контролировать логику «неустойчивого сдерживания» и согласовать меры по укреплению доверия, например, в рамках Форума по сотрудничеству в области безопасности ОБСЕ.
- 2. Создать новые эффективные механизмы для сотрудничества и консультаций, решения спорных проблем и предотвращения опасных инцидентов, например, трёхсторонние встречи руководства США, ЕС и России, перезапуск Делового консультативного совета, создание «группы мудрецов» из представителей экспертного сообщества для обсуждения новых угроз.
- 3. Выдвигать свежие инициативы и организовать широкоформатные дискуссии по проблемам реформирования евроатлантической безопасности,

контроля над вооружениями, предотвращения ядерной гонки, кризисного реагирования на Ближнем Востоке и в Африке; цифровой экономики, информационной безопасности, применения искусственного интеллекта, разработки норм и правил защиты от киберугроз, мирового развития (бедность, социально-экономический и технологический разрыв, здравоохранение, образование);

4. Вовлекать новых игроков (EAЭC, БРИКС) в евроатлантическое взаимодействие, а также в новые партнёрства в области мирового развития, чтобы предотвратить консолидацию закрытых блоков – HATO и EC.

Поскольку затрагиваются национальные интересы, Россия должна участвовать в процессе формирования евроатлантической безопасности и вполне может поднять любой актуальный вопрос для обсуждения с американскими и европейскими партнёрами. Скорее всего, не сразу получится обсудить повестку с политическими лидерами, но необходимо широко осветить свою позицию.

Следует отметить, что эволюция системы евроатлантической безопасности является сложной, но всё же сама история учит терпению, умению просчитывать ситуацию, формировать общую повестку в сфере безопасности, умело встраиваться на благоприятных условиях. В перспективе отношения в треугольнике США – Евросоюз – Россия будут иметь поливариантный характер.

Изменения могут наступить в связи с подготовкой к президентским выборам в США, когда появится шанс для адресных консультаций. Тем временем новое руководство ЕС после брекзита сформирует своё видение евроатлантической безопасности и начнёт адаптацию к соперничеству великих держав – США, КНР и РФ. Сотрудничая с ЕС, важно поощрять попытки по увеличению военно-политического потенциала и наладить военно-техническое сотрудничество.

Полагаем, что международное сообщество не должно устраняться от обсуждения параметров евроатлантической безопасности. Внерегиональные страны также должны иметь возможность оказывать влияние. По всей вероятности, отношения РФ и ЕС будут систематичными, отношения РФ и США – избирательными, а взаимодействие РФ и НАТО – эпизодичное.

В целом, несмотря на негативную динамику развития отношений США, ЕС и России, с приходом Трампа имеются основания для взаимодействия, характер которого зависит от того, какая модель организации евроатлантической безопасности – американская, европейская или российская, будет доминировать в перспективе.

Данная работа была задумана для побуждения к критическому осмыслению современных отношений США – ЕС – РФ, которые вовсе не застыли, а продолжают эволюционировать. В меняющемся мире для отечественной дипломатии важно быть гибкой, эффективной и адаптированной, синхронно реагировать на расстановку сил в евроатлантическом сообществе на многостороннем и двустороннем уровнях.

Об авторе:

Марина Михайловна Панюжева – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института США и Канады РАН. Хлебный переулок 2/3, Москва, Россия, 121069. E-mail: marina-panyuzheva@rambler.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: October 30, 2019 Accepted: November 18, 2019

Euro-Atlantic Security in U.S. – EU – Russia Triangle and Trump Factor

M.M. Panyuzheva DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-78-108

Institute of USA and Canada of the Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

Abstract: The article discusses the security relations among the United States, the EU and Russia in the context of Donald Trump's populism, the change of Western political elites and the erosion of arms treaty regimes. The purpose of the article is to analyze the current state and identify the probable scenarios of relations in the triangle of the USA - the EU - Russia. The article explores the features of the Euro-Atlantic security system from 1990's till the mid-2000's; the concept of Euro-Atlantic security in 2008-2009; the US, the EU and Russia relations under Barak Obama and Donald Trump. As a result of a comprehensive analysis, the author comes to the following conclusions: 1) the concept of Euro-Atlantic security is still relevant. Since the NATO based security arrangements are not stabile, security interaction among the USA, the EU and Russia is growing in importance. 2) European leaders seem to be moving towards building a new security architecture and a more balanced dialogue with Russia. The EU remains the main economic partner of the Russian Federation. 3) Trump's "transactional" approach has prompted Europeans to strengthen its defense identity and seek a compromise with Russia. 4) In a multipolar world, the Euro-Atlantic regional security is no longer closed to transatlantic ties. It is important to rethink the concept towards cooperation with non-regional countries. 5) The complex game of engagement and deterrence is likely to continue in relations between Russia and the West. The more uncertain the transatlantic relations become, the more the EU and the US need Russia.

Key words: Euro-Atlantic security system, European security, transatlantic relations, Atlantism, Europeism, elite change, European army, global strategic instability, polycentric word, new world order.

About the author:

Marina M. Panyuzheva – Candidate of Sciences (History), Researcher of Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow, 121069, Khlebny per. 2/3. E-mail: marina-panyuzheva@rambler.ru.

Conflicts of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Anderson J. 2018. Rancor and Resilience in the Atlantic Political Order: The Obama Years. *Journal of European Integration*. №40 (5). P. 621-636. DOI: 10.1080/07036337.2018.1488841.

Bindi F. 2019. *Europe and America: The End of the Transatlantic Relationship?* Washington D.C.: Brookings Institution Press. 311 p.

European Security and Defence Policy: the First Ten Years (1999-2009). 2009. Ed. by G. Grevi, D. Helly and D. Keohane. P.: EU Institute for Security Studies. 448 p.

Gordon Ph.H. and Shapiro J. 2004. *Allies at war. America, Europe and the crisis over Iraq.* The Brookings Institution, McgRaw Hill. 266 p.

Gromyko A.A. 2018b. Multi-Drifting and not yet Lost Opportunities. *Science-analytical vestnik IE RAN*. №6. P. 4-6. DOI: 10.15211/vestnikieran6201846.

Haas R.N. 2008. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. *Foreign Affairs*. №3. P. 44-56.

Krauthammer Ch. 2002-2003. The Unipolar Moment Revisited. *The National Interest*. Vol. 70. P. 5-17.

Mandelbaum M. 2006. The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the 21st Century. New York: Public Affairs. 294 p.

Maull H.W. 2019. The Once and Future Liberal Order. The Survival Journal. Vol. 61. P. 7-32

Mazarr J.M. 2017. The Once and Future Order. What Comes After Hegemony? *Foreign Affairs*. 1. P.34-40.

Nye J.S. Jr. 2017. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea. Foreign Affairs. N1. P. 10-16

Riddervold M., Newsome A. 2008. Transatlantic Relations in Times of Uncertainty: Crises and EU − US Relations. *Journal of European Integration*. №40(5). P. 505-521. DOI: 10.1080/07036337.2018.1488839.

Slaughter A.-M. 1997. The Real New World Order. For eign Affairs. &3. P. 183-197. DOI: https://doi.org/10.2307/20048208

Van Oudenaren J. 2005. Transatlantic Bipolarity and the End of Multilateralism. *Political Science Quarterly.* №1. P. 1-32.

Zakharia F. 2008. The Post-American World. New York: W.W. Norton & Company. 292 p.

Arbatova N.K. 2015. Evro-Atlanticheskie otnosheniya v XXI veke: problemy i ctsenarii [Euro-Atlantic Relations in the 20th Century: Problems and Scenarios]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* №11. P. 31-37. (in Russian)

Baranovskij V.G. 2010. Evroatlanticheskoe prostranstvo: vyzovy bezopasnosti i vozmozhnosti sovmestnogo otveta [Euro-Atlantic Region: Security Threats and the Opportunities of Common Response]. Report for the Euroatlantic Security Initiative (EASI). München. Moscow: IMEMO RAN. 41 p. (in Russian)

Baranovskij V.G. 2017. Transformatsiya global'nogo miroporyadka: dinamika sistemnykh izmenenij [Transformation of Global World Order: Systematic Changes' Dynamic]. *Polis. Political Studies.* № 3. P. 71-91. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.05 (in Russian)

Batyuk V.I. 2009. Regional'nye voennye komandovaniya SSHA [U.S. Regional Military Commands]. Moscow: ISKRAN. 72 p. (in Russian)

Bogaturov A.D., Averkov V.V. 2012. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenij. 1945-2008: Ucheb. posobie dlya studentov vyzov* [History of International Relations. 1945-2008: Book for University Students]. Moscow: Aspekt Press. 520 p. (in Russian)

Evropeizm i atlantizm v politike stran Evropejskogo soyuza. 2009. [Evropeizm and Atlantizm in Politics of EU Countries]. Eds. N.K. Arbatov. Moscow: IMEMO RAN. 118 p. (in Russian)

Global'nyj prognoz RSMD 2019-2024: sbornik. 2019 [Global Prognosis RCIR 2019-2024]. Moscow: NP RSMD. 268 p. (in Russian)

Gromyko A.A. 2018a. Global'nyj mir: riski i vozmozhnosti [Global World: Risks and Opportunities]. *Contemporary Europe.* №1. P. 137-147. DOI: 10.15211/soveurope12018137147 (in Russian)

Gromyko A.A. 2018c. Raskolotyj Zapad: posledstviya dlya Evroatlantiki [The West Divided: Consequences for Euro-Atlantic]. *Contemporary Europe.* №4. P. 5-16. DOI: 10.15211/soveurope420180516 (in Russian)

Iokhin V.Ya. 2018. Formirovanie novogo miroporyadka i Rossiya [Forming the New World Order and Russia]. *Contemporary Europe*. №6. P. 104-111. DOI: 10.15211/soveurope62018104111 (in Russian)

Kissinger G. 2015. *Mirovoj poryadok.* per. s angl. V. Zhelninova, A. Milyukova [World Order]. Tr. from English V. Zhelninova, A. Milyukova]. Moscow: Izdatel'stvo AST. 512 p. (in Russian)

Megatrendy: Osnovnye traektorii evolutsii mirovogo poryadka v XXI veke. 2014. [Megatrends: Key Directions of World Order Evolution in 21st Century:]. Moscow: Aspekt Press. 448 p. (in Russian)

Nye J. 2004. "Myagkaya sila" i amerikano-evropejskie otnosheniya ["Soft Power" and American-European Relations]. *Svobodnaya mysl*'. 10 (1548). P. 33-41. (in Russian)

Obitchkina E.O. 2004. Frantsiya – SSHA: dve modeli mira [France – the U.S.: Two World Views]. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture.* № 4. P. 23-39. (in Russian)

Panyuzheva M.M. 2016. Evropejskaya bezopasnost': atlantizm i evropeizm [European Security: Atlantism and Europeism]. *Contemporary Europe.* 1 (67). P. 63-75. DOI: 10.15211/soveurope120166375 (in Russian)

Panyuzheva M.M. 2018. Vneshnepoliticheskaya komanda D. Trampa i politika SSHA v otnoshenii Evropy [Donald Trump's Foreign Policy Team and U.S. Policy toward Europe]. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture.* 12 (588). P. 51-58. DOI: 10.31857/S032120680002702-6 (in Russian)

Prihod'ko O.V. 2004. *Transatlanticheskie otnosheniya v sfere bezopasnosti i ikh vliyanie na vneshnepolitichekie pozitsii Rossii* [Transatlantic Relations in the Security Sphere and Its Influence on Russian Foreign Policy Stance]. Moscow: ISKRAN. 177 p. (in Russian)

Problemy transatlanticheskikh otnoshenij v n. XXI veka 2007. [Problems of Transatlantic Relations in the Beginning of XXI Century]. Eds. V.A. Kremenyuk, T.A. Shakleina. Moscow: ISKRAN. 179 p. (in Russian)

Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. [Contemporary International Relations]. Eds. by A.V. Torkunov, A.V. Malygin. Moscow: Aspekt Press. 688 p. (in Russian)

Troitskij M.A. 2004. *Transatlanticheskij soyuz. 1991-2004. Transformatsiya sistemy Americano-Evropejskogo partnerstva posle raspada bipolyarnosti* [Transatlantic Alliance. 1991–2004. Transformation American-European Partnership System]. Moscow: NOFMO. 252 p. (in Russian)

Yakovlev P.P. 2017. Faktor Trampa i menyayushchejsya oblik globalizatsii [Trump's Factor and Changing Face of Globalization]. *World Economy and International Relations*. №7. P. 5-14. (in Russian)

Zueva K.P. 2004. Vneshnyaya politika Frantsii v epokhu neogollizma [French Foreign Policy in the Neogollizm Stage]. *World Economy and International Relations.* №1. P. 76-81. (in Russian)

Литература на русском языке:

Арбатова Н.К. 2015. Евро-атлантические отношения в XXI веке: проблемы и сценарии. *Мировая экономика и международные отношения*. №11. С. 31-37.

Барановский В.Г. 2010. Евроатлантическое пространство: вызовы безопасности и возможности совместного ответа. Доклад для Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI). Мюнхен, 7-8 февраля. Москва: ИМЭМО РАН. 41 с.

Барановский В.Г. 2017. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений. *Полис. Политические исследования*. №3. С. 71-91. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.05

Батюк В.И. 2009. Региональные военные командования США. Москва: ИСКРАН. 72 с.

Богатуров А.Д., Аверков В.В. 2012. *История международных отношений. 1945-2008*: Учеб. пособие для студентов вузов. Москва: Аспект Пресс. 520 с.

Глобальный прогноз РСМД 2019-2024: сборник. 2009 / И.Н. Тимофеев [и др.]. Москва: НП РСМД. 268 с.

Громыко А.А. 2018а. Глобальный мир: риски и возможности. Современная Европа. №1. С. 137-147. DOI: 10.15211/soveurope12018137147

Громыко А.А. 2018b. Расколотый Запад: последствия для Евроатлантики. Современная Европа. №4. С. 5-16. DOI: 10.15211/soveurope420180516

Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского союза. 2009. Отв. ред. Н.К. Арбатова. Москва: ИМЭМО РАН. 118 с.

Зуева К.П. 2004. Внешняя политика Франции в эпоху неоголлизма. *Мировая экономика и международные отношения*. №1. С. 76-81.

Иохин В.Я. 2018. Формирование нового миропорядка и Россия. *Современная Европа*. №6. С. 104-111. DOI: 10.15211/soveurope62018104111

Киссинджер Г. 2015. Mировой порядок [пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова]. Москва: Издательство АСТ. 512 с.

Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. 2014. Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. Москва, Издательство «Аспект Пресс». 448 с.

Най Дж. 2004. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения. Свободная мысль – XXI. 10 (1548). С. 33-41.

Обичкина Е.О. 2004. Франция – США: две модели мира. *США и Канада: экономика, политика, культура.* 2004. 4. С.23-39.

Панюжева М.М. 2016. Европейская безопасность: атлантизм и европеизм. *Современная Европа*. 1 (67). С. 63-75. DOI: 10.15211/soveurope120166375

Панюжева М.М. 2018. Внешнеполитическая команда Д. Трампа и политика США в отношении Европы. *США и Канада: экономика, политика, культура.* 12 (588). С. 51-68. DOI: 10.31857/S032120680002702-6.

Приходько О.В. 2004. Трансатлантические отношения в сфере безопасности и их влияние на внешнеполитические позиции России. Москва: ИСКРАН. 177 с.

Проблемы трансатлантических отношений в н. XXI века. 2007. Отв. ред. В.А. Кременюк, Т.А. Шаклеина. Москва: ИСКРАН. 179 с.

Современные международные отношения. 2014. Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Малыгина. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 688 с.

Троицкий М.А. 2004. Трансатлантический союз. 1991-2004. Трансформация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. Москва: НОФМО. 252 с.

Яковлев П.П. 2017. Фактор Трампа и меняющийся облик глобализации. *Мировая экономика и международные отношения*. №7. С. 5-14.